

Анатолий Федорович Кони

**Нравственный облик
Пушкина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А64

А64 **Анатолий Федорович Кони**
Нравственный облик Пушкина / Анатолий Федорович Кони – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-2768-7

Речь, посвященная 100-летию со дня рождения Пушкина, прочитанная 26 мая 1899 г. на торжественном заседании Академии Наук, впервые напечатана в "Вестнике Европы" (1899 г, №10) с посвящением П.Н. Обнинскому.

Под названием "Общественные взгляды Пушкина" и в несколько измененном виде вошла в книгу "Чествование памяти А.С. Пушкина имп. Академией Наук в сотую годовщину дня его рождения. Май 1899", СПб., 1900 и напечатана отдельно (СПб., 1900). С исправлениями редакционного характера под заглавием "Нравственный облик Пушкина" включена в книгу А.Ф. Кони "Очерки и воспоминания", СПб.. 1906, а затем перепечатана с незначительными поправками в четвертом томе книги "На жизненном пути" (Ревель - Берлин, изд. "Библиофил", [1923]). Этот последний прижизненный текст публикуется в настоящем издании.

ISBN 978-5-4241-2768-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Кони А Ф
Нравственный облик Пушкина

Анатолий Федорович Кони

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ПУШКИНА

Речь, посвященная 100-летию со дня рождения Пушкина, прочитанная 26 мая 1899 г. на торжественном заседании Академии Наук, впервые напечатана в "Вестнике Европы" (1899 г, № 10) с посвящением П.Н. Обнинскому.

Под названием "Общественные взгляды Пушкина" и в несколько измененном виде вошла в книгу "Чествование памяти А.С. Пушкина имп. Академией Наук в сотую годовщину дня его рождения. Май 1899", СПб., 1900 и напечатана отдельно (СПб., 1900). С исправлениями редакционного характера под заглавием "Нравственный облик Пушкина" включена в книгу А.Ф. Кони "Очерки и воспоминания", СПб... 1906, а затем перепечатана с незначительными поправками в четвертом томе книги "На жизненном пути" (Ревель — Берлин, изд. "Библиофил", [1923]). Этот последний прижизненный текст публикуется в настоящем издании.

Часть речи (главным образом вторая половина, с сокращениями) повторена с добавлениями в докладе, прочитанном 17 февраля 1921 г. в Доме литераторов на заседании, посвященном 84-й годовщине смерти поэта (напечатана в книге "Пушкин. Достоевский", Пб., изд. Дома литераторов, 1921). Некоторые из этих добавлений приводятся в примечаниях к соответствующим страницам.

А.С. ПУШКИН

Речь на торжественном заседании в Доме литераторов в 84-ю годовщину со дня смерти Пушкина 11 февраля 1921 г. была опубликована в "Вестнике литературы" 1921 г. № 3.

Настоящее собрание присутствует при зарождении всенародных, всероссийских поминок по Пушкину, которые должны являться не мимолетным порывом чувства, не временным проявлением симпатии к погибшему так рано поэту, а чем-то хроническим, ежегодным, всероссийским, повторяемым с непреложностью известного нравственного закона, и представлять собой общепонятный и общесознаваемый праздник для всех мыслящих русских людей.

Может возникнуть вопрос — почему же будет праздноваться (в сущности эти поминки будут носить праздничный характер) его смерть, а не день его рождения? Ответ довольно прост. Да потому, что рождение не создает никакого определенного образа, с представлением о рождении не соединяется ничего конкретного, ничего такого, что бы выделяло этого ребенка из числа других (кроме случаев какого-нибудь уродства), а поэт, и в особенности такой поэт, как Пушкин, может сказать про себя словами другого поэта: "Мой образ вылит, еще резца последний взмах, — и гордо станет он в веках". Но это он может сказать перед концом своей жизни. Следовательно, смерть рисует поэта, смерть подводит ему известного рода итог. И наконец, — и это очень важно, — смерть гораздо сильнее ударяет по сердцам, чем рождение. Смерть соединяет всех тех, которые ценили умершего человека, в одном чувстве скорби, смерть заканчивает его существование и звучит как последний аккорд. Наконец, те, кто верует в загробное существование, знают, что оплакивать и вспоминать приходится не в день рождения, а в день смерти. Поэтому нужно праздновать именно день смерти Пушкина, а не день его рождения, и праздновать в том смысле, что с этого момента началось настоящее рождение русской литературы в его настоящем смысле, рождение русского языка в его настоящем объеме и красоте.

Пушкин сказал: "Мы ленивы и не любопытны" [1]. Этим он хотел сказать, что в большинстве случаев у нас не существует вчерашнего дня. От этого завтрашний день такой неясный, туманный. Мы не знаем вчерашнего дня не только в нашей жизни, но и в жизни общественной, и то, что могло воспитать в нас чувство долга, что могло дать нам темные и светлые картины прошлого, все это исчезает в туманной дали. К этим словам можно прибавить еще и другое — мы не только ленивы и не любопытны, но еще и неблагодарны. И Пушкин все это испытал на себе. И долг русского общества вознаградить его за то, что он страдал, за то, что пережила его страдальческая тень.

Пушкин умер в разгар своего таланта, а между тем вокруг него уже возрасало равнодушие. В последние годы жизни Пушкина общество относилось к нему довольно холодно. Одни говорили, что он устарел. Это были люди, которые не дозрели до понимания Пушкина. Другие говорили, что Пушкин исписался. Это были люди, неспособные подняться до его духа. А затем кругом него кипела презренная клевета. Ведь он сам говорил перед смертью: "Пора, пора, покоя сердце просит" [2]. И это уставшее, израненное сердце было увезено тайком, никому неведомо, и схоронено так, что над ним не плакали те, которые поняли,

чего они лишились. Да кроме того, в это же время теснила его цензура. Он не мог уйти от этой цензуры, которую характеризовал "богомольной нашей дурой, слишком чопорной цензурой" [2]. Эта цензура теснила его всячески. "Капитанскую дочку" он должен был печатать не под своим именем. "Медный всадник" был запрещен. Когда Пушкин умер, вышел его портрет-гравюра, под которым было написано: "Угас огонь на алтаре". Один такой портрет был подарен мне Гончаровым. По требованию цензуры полиция этот портрет конфисковала, и имевшие такой портрет старались заклеить его рамкой так, чтобы не было видно подписи. А сочинения Пушкина, разве они были распространены так, как следует? После его смерти вышло два неполных издания. А затем жена Пушкина, движимая известного рода корыстными побуждениями, выхлопотала у Александра II продление авторских прав с 30 лет до 50-ти [3], - та самая жена, о которой Пушкин рассказывал Смирновой, что по ночам, когда он хотел записать какие-нибудь пришедшие ему в голову стихи или мысль и зажигал при этом свечку, она тушила эту свечку и говорила: "Ночь дана для того, чтобы спать, а не писать стихи". Среди такой обстановки он ушел от нас.

Но и после того критика относилась к нему долгое время без правильной оценки. Когда сошел со сцены Белинский, она упоминала о Пушкине только с холодным уважением, а затем критики шестидесятых годов, искавшие в каждом писателе служения общественным вопросам и с этой точки зрения рассматривавшие его произведения, стали относиться к нему презрительно. Известный критик шестидесятых годов писал о нем — "миленький, маленький Пушкин" [4]. При этом, конечно, забывались его заслуги именно общественные. Ведь нельзя отрицать, что Пушкин воспел свободу во всех ее видах, что Пушкин указал на язву крепостного права, что Пушкин предвидел и проповедовал суд присяжных [5]. И такое отношение продолжалось до восьмидесятых годов.

Но затем в обществе проснулось чувство любви и благодарности к Пушкину. День открытия ему памятника в Москве был действительно всенародным торжеством. Это было нечто такое, чего никто из участвовавших забыть не может. Тургенев, обращаясь к памятнику Пушкина, сказал: "Это памятник учителю", и все согласились с ним.

Значение Пушкина в русской литературе может быть сравнено со значением Петра Великого. Все культурные начинания в России восходят к Петру Великому. Какое бы литературное явление мы ни взяли, если мы начнем рассматривать его происхождение, мы найдем Пушкина. Мой уважаемый сосед, Н. А. Котляревский, говоря о Канте, называет его узловым станцией философии. Такой узловой станцией является Петр, такой узловой станцией литературы был Пушкин. Вот чем объясняется то начинание, для участия в котором Дом литераторов созвал всех служителей литературы и искусства и надеется на их содействие. В своих воспоминаниях Даль пишет, что, когда Пушкин умирал, он говорил ему: "Подымай же, подымай выше, идем выше, идем выше". И действительно, с тех пор Пушкин начал подниматься все выше и выше, и в настоящее время он поднялся в нашем сознании на огромную высоту. Будем же помогать этому, будем подымать его еще выше, насколько хватит сил.

Пушкин — наша гордость, наша слава. Еще в год его смерти Тютчев сказал о нем: "Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет" [6]. А Островский на открытии памятника Пушкину, на обеде, встал и сказал, обращаясь ко всем

литературным и ученым силам: "Господа, сегодня ведь на нашей улице праздник".

Пожелаем же, чтобы осуществились те предположения, о которых мы сегодня говорим, чтобы всякий, кто, подобно Пушкину, будет понимать жизнь, как возможность "мыслить и страдать" [7], мог бы сказать каждый год 29 января: "сегодня на нашей улице праздник", чтобы будущий Пимен, когда он будет писать летопись нашей жизни, упомянул, что этого числа "России сердце не забыло".

Примечания

1. Цитата из "Путешествия в Арзрум" (1829).
2. Цитаты из стихотворения "Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит" (1834) и (неточно) из сказки "Царь Никита и сорок его дочерей" (1822).
3. По цензурному уставу 1828 года срок права наследования определялся в 25 лет со дня смерти автора. В 1862 году Н. Н. Пушкина-Ланская просила министра народного просвещения А. С. Норова закрепить за ней и за двумя сыновьями поэта пожизненное право пользоваться доходами с изданий. Вместо этого А. С. Норов увеличил срок наследования вдвое, т. е. до 50 лет.
4. Имеется в виду статья Д. И. Писарева "Лирика Пушкина" (1865).
5. Мнение Пушкина о необходимости суда присяжных А. Ф. Кони основывает на "Записках А. О. Смирновой".
6. Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева "29 января 1837 г." (1837).
7. Цитата из элегии "Безумных лет угасшее веселье" (1830).

I

Поэт с многогранной душой — Пушкин был не только гениальным художником, но и великим явлением жизни русской. В признании именно такого его значения сходятся между собою, — с различных точек зрения, — Гоголь, Белинский и Достоевский. Но великие явления, как в области нравственной природы, так и в области природы физической, имеют одно общее свойство: про них никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно. Их глубокое значение, их сила и воздействие на окружающее никогда не раскрываются вдруг и сразу. Поэтому и Пушкин — несравненный выразитель коренных начал народного духа, могучий и вдохновенный ковач родного языка, мыслитель и певец, историк и гражданин представляет неисчерпаемый материал для изучения. В его духовной природе, по мере созревания и расширения русской мысли, по мере более близкого знакомства со всем, что к нему относится, открываются все новые горизонты. Этим он походит на своего любимого исторического героя — на великого Петра.

С него начинается у нас литература в ее настоящем значении выразительницы свойств и потребностей общества и провозвестницы его упований. Какую бы сторону ее ни исследовать, приходится почти всегда подняться, вверх по течению, к Пушкину. Ему ничего не было чуждо; его трезвый, проникновенный и свободный от исключительности ум, вооруженный гениальной силою выражения, отзывался на все проявления и вопросы окружающей жизни и сыпал искры при каждом ее прикосновении, а его глубокая любовь к родине, исполненная чувства, но чуждая чувствительности, заставляла его вникать во все условия ее быта и истории. Полонский справедливо сказал о нем: "Это гений — все любивший, все в самом себе вместивший..." [1]. Поэтому, оставляя в стороне поучительные вопросы о творчестве Пушкина, о его бессмертных заслугах для русского языка и словесности, о его художественном "credo", возможно остановиться и на его правовых взглядах и, пользуясь его сочинениями, письмами, заметками, а также воспоминаниями о нем Смирновой [2], князя Вяземского и др., попробовать взглянуть в его отношение к одной из важнейших сторон жизни общества.

Пушкин был исполнен чувства и искания правды. Но в жизни правда проявляется прежде всего в искренности в отношениях к людям, в справедливости при действиях с ними. Там, где идет дело об отношениях целого общества к своим членам, об ограничении их личной свободы во имя общего блага и о защите прав отдельных лиц, — эта справедливость должна находить себе выражение в законодательстве, которое тем выше, чем глубже оно всматривается в жизненную правду людских потребностей и возможностей, — и в правосудии, осуществляемом судом, который тем выше, чем больше в нем живого, а не формального отношения к личности человека. Вот почему — *justitia fundamentum regnorum!* (правосудие основа государства (лат.)) Но право и нравственность не суть чуждые или противоположные одно другому понятия.

В сущности источник у них общий, и действительная их разность должна состоять главным образом в принудительной обязательности права в сравнении с свободною осуществимостью нравственности. Отсюда связь правовых воззрений с нравственными идеалами. Чем она тесней, тем больше обеспечено разум-

ное развитие общества. Право имеет, однако, свой писанный кодекс, где указано, что можно и чего нельзя. У нравственности такого кодекса быть не может — и отыскивая, что надо сделать в том или другом случае, человеку приходится вопрошать свою совесть.

Внутренний голос, называемый совестью, истекает у многих людей из начал, невидимо, но неразрывно связанных с верою, с религиозным их строем. В этом голосе им слышится выражение воли высшего существа, сознание связи с которым и ответственности пред которым так поднимает и укрепляет душу многих в минуты житейского смятения. Нравственные начала, черпая свои силы в религии, проникают с разных сторон и в область права. Надпись на здании старинной ратуши в Лугано: "Quod sunt leges sine moribus, quod sunt mores sine fide" (законы без нравственности — то же, что нравы без веры (лат.)) — имеет свое глубокое значение. Поэтому, говоря о правовых воззрениях Пушкина, трудно избежать необходимости ознакомиться с его нравственными воззрениями и его отношением к вопросам веры. Таким образом, сам собою создается нравственный облик Пушкина. Изучению его следует посвящать глубочайшее внимание и тщательную разработку подробностей. Вероятно, такому труду и будут отданы чьи-либо талантливые силы и ничем не стесненное время. Мы же ограничимся здесь, по поводу столетнего юбилея великого поэта, лишь самыми краткими и беглыми очертаниями этого образа.

Недальновидные и поспешные на заключения читатели юношеских произведений Пушкина, писанных в "часы забав или праздной скуки", — в которых, по его собственным словам, "пелись порочные забавы и славились сети сладострастия"[3], — создали ему довольно прочно утвердившуюся репутацию не только эротического поэта, но и язвительного отрицателя веры.

Им помогли в этом некоторые высокочудотворительные друзья молодости поэта, чей "предательский привет" преследовал его и за гробом, — в забвении его слов, что "судить взрослого человека за вину юноши есть дело ужасное" [4]. Один из них, чью умеренность и аккуратность, при воспоминаниях об угасшем уже поэте, неприятно поражало отсутствие у него не только "ровной, систематической беседы", но даже и "порядочного фрака", провозгласил, что Пушкин не имел "ни внешней, ни внутренней религии и смеялся над всеми отношениями" [5]. Но в этом представлении о Пушкине и в вытекающих из него непродуманных или лицемерных упреках — нет правды. Необходимо глубже всмотреться в эту сторону личности Пушкина — и судить человека и писателя не по случайным проявлениям, а по коренным свойствам его природы.

Беспорядочное домашнее воспитание в довольно безалаберной семье дало отроку раннюю возможность отравиться дурманом фривольных произведений французской литературы XVIII века. Отголоском этого было появление трех-четырех подражательных произведений. Все остальное в этом легкомысленном роде лживо и без всякой критики писалось в пассив поэзии Пушкина. Да и эти немногие произведения мучили его совесть, заставляли краснеть за себя, негодуя "на грешный свой язык, и празднословный, и лукавый" [6], — и сжигать попадавшиеся ему их рукописные списки [7]. Как всякая сильная натура он не мог не пройти периода скитания мыслей, прежде чем остановиться на более или менее прочном мирозерцании.

Написанное Пушкиным 18-ти лет от роду "Безверие" содержит в себе явные

указания мучительных сомнений, пережитых им в это время [8]. Все симпатии его уже на стороне веры, и он желал бы, "забыв о разуме и немощном, и строгом, с одной лишь верою повергнуться пред богом". Но сам, еще не веруя вполне и колеблясь, он уже понимает, что не слово осуждения, а слово сострадания надо обращать к "слепому мудрецу", в котором "ум ищет божества, а сердце не находит". Притом не надо забывать, что человек с прозаической натурой легче и скорее становится законченным целым, чем имеющий задатки гениальности. Истинное религиозное чувство есть прежде всего результат личных житейских испытаний. Только выдержав и пережив их, оно может считаться прочным.

Перелом боровшихся сомнений в сторону веры совершился у Пушкина на двадцать втором году жизни. С измученной души его исчезли заблуждения, подобно тому, как "краски чуждые с годами спадают ветхой чешуей" [9]. С этого времени мы видим у него уже вполне сложившийся взгляд, которому он остается верен до конца. В душе его блесит немеркнущим светом не только вера в высший разум, управляющий вселенною, но и, — употребляя выражение Лермонтова, — "вера гордая в людей и в жизнь иную" [10], т. е. в возвышенные стороны человеческого духа и в его бессмертие. Тот "чистый афеизм", указание на уроки которого в перехваченном письме [11] сопровождалось для него тяжелою и решительною карою, — никогда не овладевал им. Он претил его уму и сердцу. "Ты — сердцу непонятный мрак, приют отчаянья слепого, ничтожество — пустой призрак — не жажду твоего покрова" — восклицает он, прибавляя: "Ты чуждо мысли человека, тебя страшится гордый ум" [12].

Он говорил Хомякову, что вопросы веры превосходят разум, но не противоречат ему — и много думал о них. "Я нашел бога в своей совести и в природе, которая говорила мне о нем", — объяснял он А. И. Тургеневу [13], сходясь в этом с Кантом, которого, конечно, не читал, когда в садах Лицея "читал охотно Апулея" [14].

"Если человек нападает на идею о боге и находит его в душе своей — значит, он существует, — развивал Пушкин свой взгляд в беседах у Смирновой, — нельзя найти то, чего нет, и самая сильная фантазия отправляется все-таки от существующих форм". Поэтому он подсмеивался над упорными усилиями обширной аргументации отрицателей существования бога. "К чему такие старания, если его действительно нет?" — спрашивал он. К библии и к евангелию Пушкин относился с величайшим интересом. Он увлекался ими и глубоко вдумывался в их содержание. Рекомендуя сыну своего друга князя Вяземского пристально и постоянно читать книги священного писания, Пушкин называл их "ключом живой воды" [15]. Замечая, что евангелие настолько истолковано, объяснено и проповедано повсюду, что не заключает в себе уже ничего для нас неизвестного, — он указывал на его вечно новую прелесть для всех пресыщенных миром или погруженных в уныние... В разговорах с Барантом, восторженно отзываясь о библии и в особенности о евангелии, он, по поводу стремлений подвести смысл святой и вечной книги под мерило временных человеческих различий и направлений, говорил: "Мы все несем бремя нашей жизни, иго нашей человечности, столь подверженной заблуждению, — и это иго уравнивает все; Христос велит взять его иго и бремя, которые помогут нам донести наше собственное до конца, если мы будем помогать ближнему поднять и нести иго, под которым он изнемогает. Весь закон в нескольких словах. Здесь только одна, единственная великая

сила — любовь!" Таким образом, он был не только верующим, но и христианином в лучшем смысле этого слова.

Религиозность его проявлялась не только в удивительных по форме и силе отдельных стихах и целых произведениях, как, например, переложение молитвы св. Ефрема Сирина ("Отцы-пустынники и жены непорочны"), не только в изображении могучей веры Кочубея, не поколебленной и его горьким концом, но и в формах, освещенных народным чувством. В тоске своего принудительного уединения в Михайловском он вызывал пред умственным взором образы тех, кого господь наделил высоким творческим даром и "всеобъемлющей душою" [16]. Он молился о них и служил панихиды о рабах божиих — Петре и Георгии. Этот Петр был тот "вечный работник на троне", которого он воспел с такой силой, понял с такой любовью, — этот Георгий был "властитель дум", лорд Байрон... [17]. Пушкин придавал огромное значение христианству. Он считал его появление великим духовным и политическим переворотом нашей планеты. "В этой священной стихии, говорил он, — исчез и обновился мир, — древняя история кончилась с ее появлением"[18]. История внешнего выражения христианства церкви, ее положение и задачи останавливали на себе думы Пушкина. Он ценил заслугу русского монашества, сохранившего среди всеобщего мрака исторические памятники и ведшего летописи; он строго осуждал Екатерину II за "властолюбивое угождение духу времени", выразившееся в явном гонении на духовенство и лишении его независимого состояния, чем наносился удар его самостоятельности и его содействию народному просвещению [19].

Признавая одну из важнейших задач церкви проповедь учения Христова, Пушкин видел в последней и одно из средств умиротворения завоевываемого нами в то время Кавказа. Говоря, в своем "Путешествии в Арзрум", об укрощении ненависти к нам черкесов — посредством их обезоружения или привития к ним более утонченных потребностей, — он замечает, что есть, однако, средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века, проповедание евангелия, о чем Россия до половины тридцатых годов и не подумала. Он ставит очень высоко миссионерство. "Надо препоясаться и идти с миром и крестом", — восклицает он и рисует примеры святых старцев, мужей веры и смирения, скитающихся по пустыням в рубищах, часто без обуви, крова и пищи, но оживленных теплым усердием. "Какая награда ожидает их? — спрашивает он: обращение престарелого рыбака, или странствующего семейства диких, или мальчика, — а затем нужда, голод, мученическая смерть"...

"Кажется, — заключает он, — для нашей холодной лености легче, взамен живого слова, выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты, чем подвергаться трудам и опасностям, по примеру древних апостолов и новейших римско-католических миссионеров". Придавая высокое значение миссионерству, Пушкин требовал, однако, чтобы, идучи с проповедью христианства, оно было, вместе с тем, само исполнено христианского духа любви и терпения. "Терпимость вещь очень хорошая, — писал он, — но разве апостольство с ней не совместно?"[20] Указывая на необходимость идти с миром, он клеймил мрачный образ своеобразно-знаменитого юрьевского архимандрита Фотия за то, что ему служили "орудием духовным — проклятие, и меч, и крест, и кнут..." и в своих чудных подражаниях Корану советовал: "Спокойно возвещать коран, не понуждая нечестивых!"[21]